

4. Малеева М.С. Суффиксальная словообразовательная модель: (На материале имен существительных с усеченной производящей основой современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1968. 19 с.

5. Плунгян В.А. Грамматические категории, их аналоги и заместители: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: М., 1998. 49 с.

6. Тарковский А.А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения / сост. Т. Озерская-Тарковская. М.: Худож. Лит., 1991. 462 с.

УДК 81

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА (СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А.П. Мигина

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
г. Саратов, Российская Федерация*

Исследование языковой личности считается одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики. В данной работе исследуется синтаксический аспект проявления языковой личности, выявляются некоторые особенности синтаксического «облика» научного текста, автором которого является известный ученый-лингвист М.П. Котюрова.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, синтаксические характеристики, научный текст.

Исследование языковой личности считается одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики. Первым в отечественной лингвистике термин «языковая личность» употребил В.В. Виноградов в своей работе «О художественной прозе». Рассматривая проблему индивидуального в языке, ученый писал о том, что Бодуэна де Куртенэ «...интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [2, с. 61]. В дальнейшем к теме языковой личности обращаются такие ученые-лингвисты, как Г.И. Богин, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Леденёва, О.В. Ломакина, В.П. Нерознак, К.Ф. Седов, А.П. Седых, О.Б. Сиротинина, И.П. Сусов и многие др.

Одним из первых определение понятия «языковая личность» дает Г.И. Богин: «Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [1, с. 3]. Позднее Ю.Н. Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» трактует языковую личность как «конкретного носителя языка, способного понимать, воспроизводить и создавать тексты, это личность, выраженная в языке (*homo loquens*) и охарактеризованная на основе анализа произведенных ею текстов с точки зрения использования в них системных средств языка для отражения видения ею окружающей действительности» [3, с. 29]. В дальнейшем изложении будем опираться на это понимание термина «языковая личность».

Если в XX веке в лингвистике доминировали работы, направленные на создание абстрактных моделей носителей языка, то сегодня преобладают комплексные практические исследования в области изучения языковой личности его реального носителя [6]. Вызывают особый интерес языковые личности – представители литературно-художественной, научной и иных сфер социокультурной коммуникации, чье вербальное наследие вошло в фонд отечественной культуры и науки. К ним относится и Мария Павловна Котюрова.

Мария Павловна Котюрова – советский и российский лингвист-русист, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики филологического факультета Пермского университета.

Мария Павловна родилась в деревне Нижний Чёкур Осинского района Пермской области. Её отец погиб в 1942-м под Ленинградом, мама умерла в феврале 1947-го от туберкулёза, оставшуюся сиротой девочку вместе с младшим братом воспитывали полуграмотные бабушка и дедушка. В 1957 году будущий учёный заканчивает сначала Осинское педучилище, а в 1965 – филфак ПГУ.

Профессиональная деятельность Марии Павловны всю жизнь связана со стилистикой научного текста, хотя изначально её интересовало совсем другое: «...поначалу, когда мой научный руководитель Маргарита Николаевна Кожина предложила мне писать дипломную работу по научному стилю, я очень долго не могла заставить себя даже приступить к ней. Ведь все курсовые до этого писала по художественной речи, которая сама по себе, можно сказать, роскошь, пирожное» [7].

В данной работе остановимся на синтаксическом аспекте проявления языковой личности конкретного носителя языка, ученого-лингвиста М.П. Котюровой. Синтаксическая организация речи является одной из самых важных составляющих изучения языковой личности, что определяется грамматической спецификой синтаксических единиц (словосочетания,

предложения, сложного синтаксического целого, текста), их функционально-прагматическими возможностями.

Для анализа научного текста ученого-лингвиста был взят фрагмент главы 1 «О понятии “эталонный научный текст”» из монографии М.П. Котуровой и Н.В. Соловьевой «Современный научный текст. Сквозь призму дискурсивных изменений» [4].

Минимальное количество слов в предложении фрагмента – десять: *Такой системе присущи известные свойства: устойчивость, эластичность, открытость и релятивность*, максимальное – 48: *Градуальный принцип организации множества компонентов имеет следующие особенности: 1) наличие трех и более смысловых компонентов, объединенных на одном основании, выраженных различными языковыми единицами (их количество не играет существенной роли); 2) наличие центра, ядра, доминанты на шкале признака компонентов; 3) возможность связи компонентов на других основаниях; 4) открытость градуальной «шкалы» и т.д.*

На первом этапе анализа из общего количества предложений (26) были выделены монопредикативные и полипредикативные структуры. Монопредикативных и полипредикативных единиц оказалось равное количество – по 13.

При анализе сложных предложений было выявлено, что среди них встречаются и бинарные (10): *Мы будем иметь в виду современный научный текст в его многомерности, что предопределяет гибкое применение разных подходов к его изучению и методов его исследования*, и многокомпонентные (3): *Учитывая «легкость и быстроту» восприятия мифа, можно считать, что модель, какой бы сложной она ни была, всегда мифологична.*

Что касается типа синтаксических связей между предикативными частями сложных предложений, то во фрагменте преобладает подчинительная связь (14 из 17): с придаточным определительным (*Модель текста как «система-паутина» объединяет названные взаимосвязанные свойства его содержания, каждое из которых организовано на градуальной основе*); придаточным изъяснительным (*Учитывая «легкость и быстроту» восприятия мифа, можно считать, что...*); придаточным обстоятельственным: уступительным (*...модель, какой бы сложной она ни была, всегда мифологична*), условия (*Нас вполне устраивает такой миф по существу об эталонном научном тексте, если он способствует восприятию научного знания – содержания учебника, статьи или монографии*), причинного обоснования (*Модель «Качество текста» может быть представлена метафорой системы-паутины еще и потому, что имеет полипараметральный характер (многоконтурный)*); придаточным присоединительно-распространительным (*Мы будем иметь в виду современный научный*

текст в его многомерности, что предопределяет гибкое применение разных подходов к его изучению и методов его исследования).

Встречается в тексте несколько предикативных единиц с бессоюзной связью (3), в которых вторая часть поясняет первую (*Но как относиться к понятию эталонного научного текста: принять в качестве реальности или отвергнуть?*) или между частями отношения перечисления (*...со стороны автора – изменять, совершенствовать свойства текста, со стороны читателя – в процессе восприятия (и, более того, понимания) самодостраивать структуру текста благодаря целостно-композиционному мышлению и интеллектуальной интуиции*).

Сложносочиненные предложения во фрагменте текста отсутствуют.

Перейдем к структурно-семантической характеристике монопредикативных единиц, включив в анализ не только самостоятельные высказывания, но и предикативные части сложных предложений. Среди монопредикативных нами обнаружена 31 двусоставная (*Такой системе присущи известные свойства: устойчивость, эластичность, открытость и релятивность*) и 11 односоставных. Среди односоставных во фрагменте встречаются 7 безличных, напр.: *Что и автору, и читателю (потребителю научного знания) совершенно необходимо обладать адекватным представлением...*; 3 инфинитивных, напр.: *Принять в качестве реальности или отвергнуть...*; одно определенно-личное, думается, со значением привлечения к научному «сотворчеству»: *Абстрагируясь от множества текстов статей, диссертаций, монографий, представим себе ментальную модель текста – образцовый, эталонный текст как систему свойств, присущих реальным текстам и репрезентированных в них различными совокупностями языковых единиц*.

Как видим, безличных предложений больше всего. С помощью безличных конструкций, позволяющих сосредоточить внимание не на деятеле, а на самом исследовании, его результатах, достигается объективность изложения, что является одним из способов реализации этой специфической стилиевой черты научной речи.

В главе частотны структурно полные, семантически неполные предложения (15): напр.: *...что предопределяет гибкое применение разных подходов к его изучению и методов его исследования;...каждое из которых организовано на градуальной основе* и др. Встречаются и неполные предложения с незамещенной синтаксической позицией одного из членов предложения, напр.: *Вполне очевидно...; Ясно...* – не замещена синтаксическая позиция подлежащего. Обычно неполные предложения употребляются в процессе живого общения, поэтому они присущи разговорной речи, где имеют четкую функционально-стилевую закреплённость и яркую экспрессивную окраску. Неполные предложения, представляющие собой части

сложноподчиненных предложений, употребляются и в книжных стилях, прежде всего, в научном, что мы и видим в нашем случае.

С точки зрения наличия или отсутствия второстепенных членов, практически все монопредикативные единицы распространенные (40 из 42). Два нераспространенных предложения в составе сложного: *Ясно, что...*; *Естественно, что...*

Осложненных однородными рядами из 42 монопредикативных – 19: подлежащими (*Такой системе присущи известные свойства: устойчивость, эластичность, открытость и релятивность*); сказуемыми (*Принять в качестве реальности или отвергнуть*); определениями (...т.е. в соответствии с мифом о достаточно **простой, предсказуемой, понятной** смысловой структуре), дополнениями (*Что предопределяет гибкое применение разных **подходов** к его изучению и **методов** его исследования*); обстоятельствами (*Что изменение того или иного свойства осуществляется **по воле автора или редактора***); обособленными членами – 8: обстоятельствами (*Учитывая «легкость и быстроту» **восприятия мифа**, можно считать...*); определениями (...понятие эталонного научного текста, **включающее оценочную коннотацию**, можно применить и к реальному тексту); уточняющими членами предложения (*Важно, что схематически, **то есть специально упрощенно**...*); распространенным приложением (*Что категориальная особенность этих пар понятий – их **двухъядерность при оппозиционных отношениях ядер и «размытой», нечетко дифференцированной периферии** – и позволяет рассматривать их функционирование в ракурсе симметрии-асимметрии*); вводными конструкциями – 4: со значением источника сообщения (*На наш взгляд, научное понятие эталонного научного текста...*); интеллектуальной оценки ситуации говорящими (*Несомненно, понятие эталонного научного текста, включающее оценочную коннотацию, можно применить и к реальному тексту, ограниченному рамками фрагмента*) и способов логического развертывания мыслей (*Например, истории вопроса, дефиниций, аргументов, выводов*) и др.

Стоит также выделить такую синтаксическую особенность некоторых предложений фрагмента: поскольку научный текст стремится к лаконичности и упорядоченности информации, автор монографии нередко выделяет однородные члены предложения в тексте при помощи буквенной или цифровой рубрикации. Это придает тексту структурированность и позволяют избежать «утяжеления» длинными синтаксическими конструкциями: *Ясно, что модель должна быть а) минимизированной, состоящей из вполне обозримого количества относительно устойчивых элементов; б) гибкой, эластичной, в которой без нарушения связей элементов можно расширять или сужать любой элемент, а также усиливать или ослаблять его связи с*

другими элементами, в) динамичной, в которой динамика достигается за счет вариативности элементов (эффекта мультипликации); Градуальный принцип организации множества компонентов имеет следующие особенности: 1) наличие трех и более смысловых компонентов, объединенных на одном основании, выраженных различными языковыми единицами (их количество не играет существенной роли); 2) наличие центра, ядра, доминанты на шкале признака компонентов; 3) возможность связи компонентов на других основаниях; 4) открытость градуальной «шкалы» и т.д.

Как представляется, характерным и индивидуальным признаком речевого своеобразия синтаксиса фрагмента является частотность вставных конструкций. Вставные конструкции (15) чаще всего носят пояснительный по отношению к содержанию предложения характер, они могут уточнять значение одного слова: *Благодаря именно гибкому (целесообразному) применению разных методов и можно выявить условия, при которых возникают те или иные свойства текста; Несомненно, понятие эталонного научного текста, включающее оценочную коннотацию, можно применить и к реальному тексту, ограниченному рамками фрагмента (например, истории вопроса, дефиниций, аргументов, выводов), типа речи (описания, рассуждения, доказательства), жанра (статьи, аннотации, тезисов) и т.д.* Нередко вставные конструкции поясняют часть предложения: *В то же время возникает необходимость исходить из упрощенного представления о научном тексте, т.е. в соответствии с мифом о достаточно простой, предсказуемой, понятной смысловой структуре.* Вставные конструкции выполняют и другие функции, например, дают другоеименование субъекту: *Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что и автору, и читателю (потребителю научного знания) совершенно необходимо обладать адекватным представлением, т.е. «блуждающим» мифом, о простой, легко воспринимаемой, доступной смысловой структуре научного текста* или помогают расставить логические акценты: *Именно с этой целью мы и показываем – важно, что схематически, то есть специально упрощенно, – смысловую структуру научного текста с учетом его основных важнейших свойств.* В последнем случае вставная конструкция представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным. В следующем примере вставная конструкция выступает в значении попутного уточнения: *Наличие трех и более смысловых компонентов, объединенных на одном основании, выраженных различными языковыми единицами (их количество не играет существенной роли).*

Согласно стилю и жанру исследуемых текстов, в фрагмент включены цитаты из текстов других учёных. Так, предложение *Понятие ментальной модели текста соотносительно с более широкими понятиями «коммуни-*

кативный идеал» [Дементьев 2006] и «тип текста» содержит в себе ссылку на автора приводимого понятия («коммуникативный идеал»).

Таким образом, синтаксический анализ фрагмента научного текста М.П. Котуровой позволил прийти к таким содержательным выводам: монопредикативные и полипредикативные единицы употребляются в нем с одинаковой частотностью; при анализе сложных предложений было выявлено, что среди них чаще всего встречаются бинарные; что касается типа синтаксических связей, то в фрагменте преобладают сложноподчиненные предложения. Среди монопредикативных единиц (куда мы включили и части сложного предложения) частотны двусоставные, однако употребительны и односоставные, в основном – безличные. С точки зрения наличия или отсутствия второстепенных членов, практически все – распространенные; богаты разновидностями осложненные предложения. Все эти синтаксические характеристики типичны для научного текста, однако высокая частотность вставных конструкций, как кажется очевидным, – сугубо авторская черта Марии Павловны Котуровой, что подтверждено нами и в отношении ее художественных зарисовок [5]. Стремление все конкретизировать, уточнять, пояснять, чтобы описываемое явление было осмыслено детально, многосторонне, – индивидуальная особенность ее речевого портрета.

Библиографический список

1. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
4. Котурова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). М.: Флинта, 2019. 294 с.
5. Митина А.П. Штрихи к речевому портрету ученого-лингвиста // Русская речевая культура и текст: материалы XII Международной научной конференции. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2022. С. 100-105.
6. Мякшева О.В. Языковая личность сквозь призму разных жанров // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года) / ред. кол: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. В 15 т. Т.6. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 388-393.
7. Шуваева В. Любовь к науке. Воспитанная бабушкой сирота стала ученым // Еженедельник «Аргументы и факты». 2019. № 21. 22 мая. – Загл. с титул. экрана. – Электронная версия печатной публикации. URL: https://perm.aif.ru/education/science/lyubov_k_nauke_vospitannaya_negramotnoy_b_abushkoy_sirota_stala_uchyonum (дата обращения: 01.11.2021).